

Лицом к лицу.

Ся Цинлу затаил дыхание.

Острые, узкие глаза с четким контрастом белков и зрачков, густые длинные ресницы, которые подрагивали — так и подмывало вырвать одну, чтобы проверить, неужели они и вправду такие длинные.

Высокая переносица, кончики носов почти соприкасаются — кажется, можно услышать дыхание друг друга.

Ся Цинлу и Чу Ваннань выросли вместе, они часто спали в одной постели и болтали по ночам, лежа друг против друга, но никогда еще не оказывались так близко. Настолько близко, что Ся Цинлу видел в глазах Чу Ваннаня собственное отражение — то, с каким ошеломленным видом он на него уставился.

Чу Ваннань тоже замер.

Через признаний от парней, а также случай в кофейне с украденными маской и полотенцем заставили его обращать внимание на вещи, которые он раньше игнорировал.

Например, на то, что сейчас он и Ся Цинлу находятся в nepoзвoлитeльнoй близости.

Странное чувство вспыхнуло в душе едва ли на секунду и тут же было подавлено телом, привыкшим к запаху и присутствию этого человека.

Это Ся Цинлу, а не кто-то другой.

Чу Ваннань еще не успел разобраться, что это было за мимолетное чувство, как заметил, что Ся Цинлу смотрит на него, явно витая в облаках.

— У тебя слюна потекла.

Ся Цинлу инстинктивно вытер уголок рта — сухо. Осознав подвох, он вспыхнул до кончиков ушей:

— Чу Ваннань!

Чу Ваннань заранее закрыл ладонями уши Янь-Янь и насмешливо вскинул бровь.

Девочка не понимала, что происходит, и лишь любопытно хлопала своими большими глазами, глядя на них.

Пока ребенок был рядом, Ся Цинлу не мог найти подходящего момента для мести. Даже после того как они поужинали по приглашению Чэнь Шу и разошлись по домам, лицо у него оставалось кислым.

Выйдя за дверь, Ся Цинлу молча направился вниз по лестнице.

Чу Ваннань шел следом:

— Всё еще дуешься?

Ся Цинлу игнорировал его. Он достал ключи и — намеренно или нет — загремел ими на весь

подъезд, демонстрируя ярость хозяина.

На самом деле Ся Цинлу был человеком отходчивым: вспыхивал быстро, но так же быстро остывал. Чу Ваннань редко видел, чтобы тот так долго копил в себе обиду.

Он отбросил шуточный тон и серьезно задумался:

— Я угощу тебя в той шашлычной, куда ты хотел сходить в прошлый раз.

«Ха, подумаешь, деньги», — высокомерно подумал Ся Цинлу, но звон ключей в его руке честно стал тише.

Чу Ваннань добавил:

— И куплю ту игру, которую ты хотел на день рождения.

«Держись, это всё дьявольские уловки», — Ся Цинлу стиснул зубы и, не проронив ни звука, вставил ключ в замок. Стоило Чу Ваннаню переступить порог квартиры, как Ся Цинлу внезапно напал: обхватил его шею локтем, зацепил ногой и повалил на пол.

Чу Ваннань, не ожидавший подвоха, оказался прижат к полу.

Ся Цинлу, покрасневшись, предъявил обвинение:

— Сначала дразнишь меня, а потом пытаешься подкупить своими подачками! Хм! Знай же, я так легко не сдамся! Живо говори: признаешь вину?!

— Признаю, — обреченно выдохнул Чу Ваннань.

— Сдаешься?

— Сдаюсь.

— Когда пойдем за шашлыком и игрой?

— Да хоть сегодня ве... постой, ты же сказал, что не сдашься? — Чу Ваннань посмотрел на него с подозрением.

Ся Цинлу ответил с самым праведным видом:

— Это я тогда еще злился, а сейчас гнев прошел. Теперь это не подачки, а моя законная компенсация.

Чу Ваннань: ...

Он похлопал Ся Цинлу по бедру:

— Ладно, слезай с меня.

— Ты не сказал, согласен или нет.

— Согласен, согласен.

Ся Цинлу разжал руки, и Чу Ваннань, опираясь на пол, сел.

— Завтра твоих родителей не будет дома, мама зовет тебя к нам на обед, — сказал он перед уходом.

— Ладно, понял, приду пораньше.

Ся Цинлу дождался, пока Чу Ваннань выйдет, закрыл дверь и с беззвучным воплем бросился в комнату, молотя кулаками и ногами по воздуху.

— А-а-а-а! Как я мог засмотреться на Чу Ваннаня!

Ся Цинлу зажал коленями подушку и уставился на их общую фотографию с Чу Ваннанем. В его голосе звучала скорбь:

— Мы же братаны!

Как можно засматриваться на лицо собственного братана?! Это же преступление мирового масштаба, грех, которому нет прощения!

Ся Цинлу стоял на коленях перед фото, искренне раскаиваясь в содеянном, а затем снова выучил книгу «Счастливая жизнь доминантного красавца-старшекласника» и уставился на неё так, будто она была корнем всего зла.

— Это всё из-за тебя, — он с силой ткнул пальцем в иероглифы на обложке.

Благодаря этому сюжету ему теперь кажется, что Чу Ваннань даже на собаку смотрит влюбленными глазами, а каждое лишнее прикосновение к Чэнь Шу — это гигантский скачок в их любовной линии, будто в дораме с розовыми спецэффектами.

Ужас просто.

Даже когда он сам только что смотрел на лицо Чу Ваннаня, в голове промелькнула дурацкая мысль: «А Чу Ваннань всегда был таким красавчиком?»

— Он мой братан, он мой братан, он мой братан...

Ся Цинлу растянулся на кровати, сложив руки на животе, и умиротворенно закрыл глаза, повторяя эти слова как заклинание.

Его лицо озарилось светом очищения. Почувствовав, что на душе стало спокойно, он удовлетворенно кивнул.

Верно. Всё дело в сюжете, а сам он чист душой.

Ночью Ся Цинлу уснул спокойным сном.

Во сне он увидел Чу Ваннаня. Тот подошел к нему, склонился, глядя с нежностью, и коснулся рукой его лица.

Ся Цинлу замороженно смотрел, как шевелятся его губы, произнося ласковую фразу:

— Тебе тоже снится твой друг детства?

— Твою ж мать!

Ся Цинлу резко проснулся в холодном поту, тяжело дыша. Бешеное сердцебиение было лучшим доказательством того, что за сны ему только что снились.

Он уставился в пустоту остекленевшим взглядом:

— Чертовщина какая-то...

Тук-тук.

Чу Ваннань помогал Лю Фанъи готовить обед. Услышав стук в дверь, он вымыл руки и пошел открывать.

Едва дверь распахнулась, Ся Цинлу широким шагом вошел внутрь. С серьезным выражением лица и нахмуренными бровями он молча уставился на Чу Ваннаня, словно пытаясь что-то отыскать на его лице.

Чу Ваннань невольно коснулся своей щеки — вроде ничего не выросло.

— Ты чего вылупился? — он помахал рукой перед глазами друга.

Ся Цинлу перехватил его руку:

— Не двигайся.

Он подался вперед. Серьезное лицо Ся Цинлу становилось всё ближе. Глаза в глаза, нос к носу — кончики их носов разделяло расстояние всего в один палец.

Брови Ся Цинлу хмурились всё сильнее, едва не сплетаясь в узел.

Чу Ваннань инстинктивно опустил взгляд вниз. Ну конечно: Ся Цинлу стоял на цыпочках.

— Не опускай голову!

Получив шлепок по руке, Чу Ваннань услышал суровое:

— Я предельно серьезен.

И что ты тогда высматриваешь?

Чу Ваннань не понимал.

Под этим пристальным взглядом, который ощущался почти физически, он чувствовал, как Ся Цинлу изучает его черты, словно пытаясь заглянуть под кожу, в самую суть.

Глаза Ся Цинлу не были чисто черными — в них проглядывал легкий каштановый оттенок, окружавший зрачки светлым ореолом, напоминающим янтарь.

Пальцы Чу Ваннаня непроизвольно дрогнули.

В этот же момент Ся Цинлу отпустил его плечи и с облегчением выдохнул, будто гора с плеч свалилась.

— Реакции ноль. Отлично, — Ся Цинлу посмотрел на Чу Ваннаня со снисходительной

нежностью, как старик на внука.

Сон с участием Чу Ваннаня так напугал его, что он, не теряя ни минуты, примчался проверить всё на практике.

К счастью, результат проверки совпал с его ожиданиями.

А что касается сна — Ся Цинлу списал это на то, что о чем думаешь днем, то и снится ночью.

Чу Ваннань: ?

Сначала врывается, устраивает эти «гляделки», потом несет какую-то чушь... Ся Цинлу в последнее время ведет себя всё страннее.

Неужели что-то произошло, пока он был занят на подработке?

— Кто-нибудь поможет мне вынести блюда? — из кухни высунулась Лю Фанъи.

— Тетя Лю, я помогу!

Пока Чу Ваннань предавался раздумьям, Ся Цинлу уже весело проскочил мимо него на кухню.

— Ого, тетя Лю, как пахнут ваши креветки! Только ради них я сегодня съем на целую чашку риса больше! — рассыпался в похвалах Ся Цинлу.

Лю Фанъи рассмеялась:

— Раз нравится — ешь побольше, креветок сегодня вдоволь.

Ся Цинлу выдал еще порцию лести.

Вынося тарелку, он увидел, что Чу Ваннань всё еще стоит на месте, и окликнул его:

— Чего застыл? Давай помогай чашки расставлять.

Он и не заметил, что сам стал причиной замешательства друга.

Один расставлял блюда, другой — чашки. Лю Фанъи закончила с последним кушаньем, и вскоре все трое сидели за столом.

Ся Цинлу поднял палочки:

— Я начинаю!

Отправив креветку в рот, он почувствовал, как вкус соуса взрывается на языке. Глаза Ся Цинлу засияли — даже при всех ожиданиях он был поражен.

Он без преувеличения поднял большой палец вверх:

— Тетя Лю, вы готовите так же превосходно, как и всегда.

Лю Фанъи готовила великолепно. В детстве Ся Цинлу больше всего ждал приглашения на обед к Чу Ваннаню. Впрочем, он ждал этого и сейчас.

Лю Фанъи всё время улыбалась.

Она выглядела гораздо лучше, чем раньше, мертвенная бледность сошла с её лица.

Ся Цинлу продолжал:

— Я серьезно, тетя Лю, вы могли бы открыть свой ресторан!

Из-за слабого здоровья Лю Фанъи почти не работала вне дома, занимаясь лишь рукоделием на заказ. Ся Цинлу долго гадал, как на доходы от рукоделия можно прожить вдвоем в мегаполисе.

Позже он узнал, что родители Лю Фанъи — дедушка и бабушка Чу Ваннаня — погибли в автокатастрофе. Лю Фанъи как единственная дочь получила крупную компенсацию. Оставшись одна, она в порыве горя продала родительский дом и переехала в этот город — Фанчэн, в названии которого был один из иероглифов её имени.

Лет пятнадцать назад жилой комплекс «Синфу» только построили. Цены тогда были высокими, но не настолько заоблачными, как сейчас. Оглядываясь назад, покупка квартиры здесь стала самой успешной инвестицией Лю Фанъи. Даже если компенсация закончится, квартиру всегда можно продать и не бояться голодной смерти.

Но это был крайний вариант. Ни Лю Фанъи, ни Чу Ваннань никогда не думали о продаже жилья. Ся Цинлу подозревал, что Чу Ваннань пошел работать еще в средней школе именно для того, чтобы облегчить финансовое бремя матери.

Ся Цинлу хвалил её так с самого детства. Раньше Лю Фанъи просто улыбалась или отшучивалась: «Когда я открою ресторан, не забудь прийти поддержать меня».

Но сегодня она вдруг спросила:

— А как ты думаешь, если я открою «домашнюю кухню»? Родители в нашем комплексе заняты на работе, у них нет времени готовить детям. Я могла бы готовить обеды и разносить их.

Ся Цинлу и Чу Ваннань отложили палочки и переглянулись.

Лю Фанъи, не замечая их реакции, продолжала:

— Если заниматься общепитом, нужно сначала получить санитарное разрешение и лицензию. И раз готовить для детей, продукты должны быть только самыми свежими и качественными...

Слушая её, Ся Цинлу понял, что Лю Фанъи всё продумала до мелочей. Очевидно, это не было сиюминутным порывом — она долго размышляла об этом и решилась озвучить только сегодня.

Вопрос был в другом: когда именно она начала об этом думать?

<http://bllate.org/book/17132/1603825>